

Катерина Романова

Ярлыки

Типично-стереотипичная повесть

18+

Катерина Романова

Ярлыки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67593300

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир, утративший индивидуальность. Жизнь, идущая по накатанному сценарию. Поступки, продиктованные привычными рамками. Стереотипы, вросшие под кожу и заменившие необходимость принятия самостоятельных решений. Люди-ярлыки. Они говорят шаблонными фразами; действуют, как персонажи бульварных романов. И страшно узнать в героях этой повести себя... Студент Толя – типичный «маменькин сын». Его одноклассница Тоня – списанная под копирку самопровозглашенная поэтесса, каких пруд пруди в Интернете. Николай и Люся, Виктор и Татьяна – до аскомы банальные семейные пары с самыми что ни на есть традиционными проблемами многолетнего брака, заключенного по вспыхнувшей внезапно страсти или по выгодному расчету. И ситуация, связавшая их, типична, как навязшее в зубах «Бытие определяет сознание». А есть ли иной выход? Способны ли «картонные человечки» обрести объем и пойти по собственному пути? Конкретного ответа вы не найдете. Но может быть уловите его тень и примите свое, личное, нестереотипное решение...

Катерина Романова

Ярлыки

Диалог 1: я и мой народ

– Здорово, Кэт.

– О, привет.

– Говорить можешь? Не занята?

– Могу. А ты в дороге?

– Ага, еду с футбола. Наши совершенно великолепно продали.

– Что-то для проигрыша у тебя слишком хорошее настроение...

– Да, собственно, результат предсказуемый. Многого от этого матча я не ждал. Зато я купил отличного вишневого пива и теперь готов воспринимать окружающее в радужных тонах. Сейчас даже «Мой Народ» кажется мне родным и близким. Скажу тебе больше, я чувствую себя частью «Моего Народа».

– «Мой Народ»? Это ты о чем?

– О, Кэт, ты можешь видеть его разве что из тонированного окна авто. Ты далека от «Моего Народа», ведь ты боишься, боишься выползти из своей зоны комфорта. Там, о ужас, совсем не позитивненько и – кошмар какой – могут нахамить...

– Ой, не дает покоя тебе мой образ жизни, Братец. Но давай без перехода на личности. Что там с твоим Народом?

– «Мой Народ»: Он патриотичен! Любить Россию и любить Путина для него суть одно! Называет домашних кошек Донбасс и Луганочка. Он пьет пиво и ссыт в тамбуре. Считает свое мнение единственно правильным, ну и мнение Владимира Соловьева иногда так же учитывается.

– Ты бы потише, Братец. Разговоры, подходящие кухне, а не по телефону в дороге.

– Говорю же, боишшшься...

– Разумно опасаясь. Ты не во всех случаях можешь убежать или отмахаться. А такие, как я, вообще перед агрессией полностью и абсолютно беззащитны. Нет места аргументированной дискуссии, сплошь безапелляционные однобокие мнения. Мне нечего противопоставить напористому хамству и чужой силе. Как будто много лет человеку не давали права высказаться и, наполнившись злобой, он теперь повсюду брызжет слюной, захлебывается ругательствами.

– А это и есть «Мой народ», Кэт. Народ, увешанный ярлыками.

– Какими еще ярлыками? Братец, мне кажется, последняя бутылка была лишней!

– Ничего ты не понимаешь! Я можно сказать на волне красноречия открываю тебе до сих пор неизвестный мир современного общества!

– Ааа... Ну давай, открывай.

– Ярлыки – это сами люди. Их действия, стремления, мысли и чувства уже давно проштампованы, имеют название, цвет, стоимость, конкретный бренд. Возьми, к примеру, столь нелюбимый мною офисный планктон.

– Вымирающий вид. Речь вроде о патриотах шла? А среди известного мне планктона таковых не имеется, ну или у них это чувство в спящем режиме.

– Ярлыки у патриотов, патриоты в ярлыках.

– Что?

– Это я так, напеваю. но дело не в чувствах, я говорю скорее о готовности подчиняться правилам, стремлении к комфортной безопасности.

– Что же в этом плохого?

– В сути, Кэт! В том, какие правила, с какой целью они прописаны – никто не задумывается. Люди с удовольствием посят чужие мысли, но не способны сформулировать собственных.

– И патриотизм с твоих слов получается таким же навязанным правилом поведения?

– Точно! Патриоты. Пил я тут с одним недавно.

– Как же тебя угораздило?

– У коллеги на шашлык собрались, а этот товарищ то ли родственник, то ли сосед. Представляешь, Кэт, он на полном серьезе рассуждал, что власть излишне лояльна. ведь журналистов давно пора пересажать; электронную переписку и телефонные разговоры просматривать и прослушивать соот-

ветственно не только по решению суда, а всю вообще. Мол, отрицательный пример соседней страны перед глазами. Надоел запад со своим влиянием, потреблением и ценностями. Развращают, Сволочи, Русскую душу. А мы их будем давить, давить любые проявления в зародыше. На мой вопрос: «А как насчет естественного права человека на свободу, в том числе свободу слова, мысли, самовыражения?» он заявил, что все проблемы в России из-за таких продажных (далее матом, это я повторять не буду), короче, из-за таких, как я. И попытался набить мне морду.

– А что ты?

– А я сделал очень серьезное лицо, похлопал его по плечу и сказал: «Димон, давай не будем сегодня портить этот замечательный день мордобоем, в конце концов, есть такие люди, как ты, которые не допустят развала нашей страны. Ведь вы стоите на страже интересов России. И, не щадя жизни, готовы это доказывать»

– И после такого вы не подрались?

– Кэт, мы отлично еще раз выпили за Россию, за Наш народ и дружно восхищались, прослушивая патриотичные песни Трофимова и Михайлова.

– Даже представить не могу. Как же ты не заржал на фразе про «восставшую Русь с колен»?

– О! я крепился как мог.

– Ахахахаха... Вижу, как наяву! Но все равно очень, очень грустно. Объясни мне, Братец, почему высокое, сильное,

сметающее все на своем пути чувство любви к Родине превратилось в тему для стеба, в слово уничижительное, ближе к отрицанию?

– А все просто, Кэт. Мой Народ перестал чувствовать, думать, действовать, он превратился в ярлыки...

– Возвращаемся к выше сказанному. Превратился или его превратили?

– Играешь словами, Кэт. Осознала себя великим автором? Это отдельная тема для хорошей, социально направленной книжки. Все как ты любишь. Ты, кстати, что-нибудь написала за последнее время?

– Ну, с этим не так просто. Событий интересных, чувств ярких в моей размеренной жизни взять не от куда. Не о текущей же повестке дня, прости Господи, и тем более не о патриотах писать. А вообще, было бы прикольно сделать что-то в стиле «Моего Народа», вот как ты это сейчас рассказываешь. Про ярлыки, страхи, круги шаблонного ада. Можно было бы в соавторстве, представляешь? С противоположных и все-таки в чем-то похожих сторон...

– Не-не-не. Кэт, подсказать тему, может обрисовать пару-тройку сцен, выйти в эпизоде в роли великолепного старшего брата – это я могу. Но уж точно без соавторства. Сама пиши, все равно дома целыми днями сидишь.

1. Просто Толик

Нашего главного персонажа – до полноценного героя ему расти и расти – зовут Анатолий Евгеньевич Корольков. Учится он на четвертом курсе местного университета, по специальности – экономист. Сам Толик может выбрал бы и другую профессию. Где-то в закромах памяти сохранились светлые детские фантазии, в которых он – спортивного вида инструктор, ведет школьников в турпоход... Или как он в стерильном халате ветеринара берет на руки больного щенка. Но мама, женщина практичная, работавшая последние 15 лет главбухом на заводе, где, если не считать уборщиц, мужской коллектив, без какого-либо выявления потребностей, отправила сына продолжать династию бухгалтеров. Толик, никогда не отличавшийся ни инициативностью, ни креативностью, честно ходил на лекции, периодически отвечал на семинарах и так же честно удивлялся, если по окончании пар сокурсники пытались вовлечь его в дискуссию по теме.

– Было бы что обсуждать. – Бурчал он и резкими, суетными движениями складывал тетради, стремясь быстрее покинуть аудиторию.

Внешность у Анатолия самая что ни на есть заурядная. Блеклые и все же правильные черты лица, рост чуть выше среднего. В одежде предпочтения, хотя кто бы спрашивал Толика о предпочтениях... Темно-серые, темно-синие, черные свитера и водолазки, практичные, многолетней носки джинсы. Без этих новомодных дырок и заклепок. Мама выбирала одежду всегда на глаз и в общем-то попадала в раз-

мер. В движениях Анатолий казался медлительным, но все-таки была в них какая-то не всегда заметная дерганость, даже грубоватость.

Психолог, по итогам первого собеседования, иронично заметила: «движения выдают в нем человека закомплексованного, неуверенного в себе».

Соседка и бывшая одноклассница Тонька Ватрушкина считала Тольку бесперспективным кавалером, и поэтому могла позволить себе легкие дружеские отношения с ним.

Любимая девушка Анатолия, Ольга, напротив, думала, что если его приодеть, и если ему повезет с работой, то выйдет из Толика неплохой муж и отец. Главное, и это как раз ее Ольгина задача, не дать ему упустить свой шанс. Вот закончит универ, и если его мама, как обещала, поможет устроиться на тот же завод, то стабильное будущее обеспечено.

Некоторые однокурсники отмечали у него определенную порочность во взгляде, в трепете крыльев носа. «Да, черты маньяка – неудачника у него точно присутствуют» – соглашались друг с другом они, правда, задним числом, уже после событий, речь о которых и пойдет в нашей истории.

Четвертый курс оказался в судьбе Толика временем знаковых событий и перемен. Годы спустя, вспоминая тот период, он много раз пытался представить, как повернулась бы жизнь, поступи он иначе. Вот только какой момент считать ключевым? Какие слова или действия привели его к точке невозврата?

Он не мог понять.

Первым знаковым событием для молодого человека оказалась поездка в Египет. Изначально планировался отдых в большой и веселой компании, куда позвали Толика однокурсники. Но постепенно, по мере приближения заветного числа, компания сама собой раскололась. Кто-то предпочел Тайскую свободу Египетскому ол инклюзиву. Кому-то оказалось важнее не отрываться от учебного процесса. Кто-то с кем-то рассорился. И остался Анатолий с парой малознакомых и несимпатичных ребят в чужой стране. Общий отель, редкие встречи и приветствия за завтраком. Однако неделя за рубежом сделала из маменькиного сынка Толика настоящего мужчину. Вернулся домой и в универ другой человек, смотрящий на женщин эдак оценивающе, будто примеряя каждую под свой новый опыт и знания. И однокурсники не могли не заметить таких перемен. Даже Тонька Ватрушкина на несколько секунд попыталась отвлечься от привычной роли друга Толика, примеряя на него образ принца Анатолия. Впрочем, картинка вышла комичная, и с облегчением Тонька написала несколько строк:

Твой взгляд оценочный, Дружок,

Кокетку разбудить не смог.

Лишь женщина за 40 лет,

Во мне вздохнула грустно: «нет.

Пока не принц и без коня.

Глядишь маньяком на меня,

А между тем другими уж
Потрачен миллионный куш.
И лишь глаза... В них что-то есть,
Хотя тосклив с тобою секс».

Вздыхнув с облегчением, Антонина спрятала подальше нелицеприятные стихи до лучших времен, а чтобы изгнать остатки совести куда подальше, позвала Толика на работу, где сама совершала трудовой подвиг с летних каникул. Договорилась о собеседовании, отрекомендовала честь по чести и, гордая от собственного благородства в проявлении дружеских чувств, больше не вспоминала ни Толькиных взглядов, ни своих мыслей.

Второе знаковое событие – работа в офисе – наступило как-то буднично. Костюм с выпуск нова мать заставила Толика напялить совершенно напрасно. Сотрудники ходили в рубашках с расстегнутым воротом, джинсах и толстовках. А психолог Татьяна, между прочим жена директора, на собеседовании в секундный взгляд вложила столько презрения и насмешки, что Анатолий до обеда, вспоминая, потел и краснел. «как школьник, чес.слова!»

Риэлтерское агентство, насчитывающее десяток работников, находилось равно близко и к универу, и к дому, что добавляло ему несомненных плюсов. Если исключить директора с женой, чей статус и возраст недосыгаем, то коллектив одногодок представлял собой бурлящий котел, наполненный энергией и непринужденностью, свойственными лишь сту-

дентам. Толик мгновенно стал их частью. и никого не удивляло, как быстро и легко он прижился. Как будто с первых дней занимал угловой стол у окна, будто без него никогда не выходил на перекур Ехидный Макс, будто просительный ко- ровий взгляд Оленьки ему не нов. Прошла неделя после трудоустройства, а может все-таки две, никто не обратил внимания, но Толик и Оля, незаметно для всех, да и для самих себя, стали парой, словно всю жизнь встречались. Ее одобрила мама, приготовленные для него к обеденному перерыву котлеты с гречкой принимались как должное, ее податливость воспринималась само собой разумеющейся. И в последствии, перебирая знаковые события, Толик все же не стал причислять отношения с девушкой к таковым. А вот, казалось бы, незначительная встреча с нищим... Не случись ее, и жизнь может по другому пошла.

Он считал октябрь по-настоящему принесшим удачу. Молодой мужчина, уверенный в себе, с надежной специальностью меньше чем через год, уже сейчас работающий без маминой протекции, провожает собственную девушку по вечернему городу, придерживает зонт, неторопливо обсуждая проведенный день и общих знакомых. Горделивым петушком он оглядывает промокшие улицы, равнодушных прохожих, заполненный транспорт. А вдруг прямо сейчас на него смотрят женщины с влажным восхищением во взгляде и, чем черт не шутит, даже мужчины с потаенной завистью. Но прохожие отгородились зонтами, проходили мимо, опуская

лица, прячась под капюшоны. Даже нищий, одиноко стоящий на углу, не смотрел на него с надеждой, а прятал красный нос в потрепанном воротнике. Толик притормозил и, передав зонт Ольге, судорожно зашарил по карманам.

– Деньги есть? Ну то есть мелочь... – Уточнил он и покраснел.

– Да. Рублей сорок, может чуть больше. – она подняла на него вопросительный взгляд.

– Вон, – Толик указал на нищего. У его ног лежала шапка с несколькими монетами и мокрой бумажной купюрой. – Одолжи, нуу... – Он замялся что-то подсчитывая про себя. —рублей 15. да! – при последнем слове у него вырвался смешок, больше похожий на нервное повизгивание, еще раз покраснел и нахмурился.

Ольга протянула ему указанную сумму, и Анатолий, гордо вышагивая, двинулся к попрошайке. Тот, наконец, поднял голову, быстро глянул на парочку, отвернулся, закурил, снова бросил короткий взгляд на него, на нее, на дом позади, на меняющий цвет светофор.

– че, мужик, похмелиться небось хочешь?

– Ага! – мужик ослабилась, появились желтые кривые зубы, в мутных глазах сверкнул огонек интереса. – Бошку со вчерашнего знаешь, как выламывает?!

Толя понимающе кивнул, лицо посерьезнело, и он попытался добавить строгости в голос:

– Шел бы ты, Дядя, работать, я тебе серьезно говорю. Де-

нег я тебе дам, но чтоб я тебя не видел тут! Понял меня?
Хорошо понял?

мужчина, а это уже был пожилой человек, за 60 лет серьезно, без улыбки посмотрел на Анатолия и очень тихо ответил:

– Да я тебя понял, а вот че я тебе скажу, муфлон лабрадорский... – говорил он без интонаций, не повышая и не понижая тона, Поэтому Анатолий не сразу понял, что его прилюдно обозвали, а поняв, замешкался и не успел сообразить, как правильно реагировать. —вали отсюда, и бабу свою бери, и если чего я тебе устрою базззар вахзал...

потом живо взял деньги, сделал испуганное лицо, схватил шапку, кое-как рассовал мелочь по карманам и быстро ушел.

– Чего это он? – Спросила Ольга. В ее непонимающей улыбке застыл испуг.

– А просто какой—то старый козел, бомж...

толик неопределенно хмыкнул, пытаясь за уверенным тоном скрыть растерянность.

Его собственный образ уверенного в себе мужчины был поколеблен старым алкашом, выразительные глаза Оленьки будто таили усмешку, и проезжающее авто, словно подтверждая его ничтожность, окатило водой из лужи. Он долго и озлобленно матерился, переходя в агрессивное бурчание. А ничего не понимающая девушка лишь сочувственно и испуганно гладила его по руке, уговаривая не обращать внимания на всяких дураков. Толик не пригласил Ольгу, как изна-

чально намеревался, к себе в гости, а поскорее распрощался с ней у ближайшей остановки, неуверенно пробормотав что-то насчет внезапно возникших дел... И тут ведь ей совсем чуть-чуть доехать.

Весь одинокий вечер Анатолий страдал. Пиво дома мама не одобряла, компании бесшабашных друзей, в которую непринужденно можно напроситься, он так и не завел, а правильное финансовое воспитание не позволяло ему отправиться в бар и выпить. Хотя, честно говоря, этого хотелось больше всего. Его самцовость, право мужчины на силу мудрого совета было поколеблено каким-то бомжом. А он ведь денег у девушки для того специально одолжил. Да и что он не так сказал?! Поработать предложил? Попрошайничать всякий может. А ты походи-ка, выпить брось, в порядок себя приведи, глядишь и получится. А то стоит и в глаза смотреть не хочет, еще и обругал вместо спасибо. Отвратительна вся ситуация в целом и по отдельности: непонимающая Ольга, матерящийся алкаш, вечно пустые карманы. Анатолий страдал и смотрел самые мощные фильмы, в которых присутствовали квадратные челюсти у мужчин, блондинки, падающие к ногам героя, массово его вожделеющие, пачки денег, которые даже как-то не интересно тратить и изгнание под плинтус всякого мелкого, злобного, грязного козла.

Хмурый, резкий более, чем обычно, на следующий день он пришел на работу, проигнорировав тут же захлопотавшую вокруг него Ольгу. Она надулась, он отшучивался, под-

ражая героям вчерашних фильмов обаятельно хамить, чем окончательно обидел девушку. Ольга уехала на выходные к маме в деревню без него, а он без нее отправился на дачу к семейной паре, с которой в Египте не слабо так отжег. Приятно вспомнить. Не просыхающий мент Коля, приходивший на завтрак после стопки, к вечеру уже не способен был самостоятельно доползти до номера. Они так и познакомились. Жена этого красавца, армяночка с русским именем Люся, хлопая нарощенными ресницами и многообещающе колыхая бюстом, попросила одиноко слоняющегося студента помочь транспортировать тело в номер. Раз, другой. Это было безумно, сладко, с примесью запретного и по-настоящему мужского. Именно это теперь вновь захотелось повторить.

Так что происшествие за городом Толик относил если не к знаковым событиям, то к поворотным точно – и присвоил ему четвертый номер.

2. Татьяна смотрит

Татьяна Игоревна Бугайчик, 38 лет, брюнетка, психолог. Она внимательно рассматривала себя в зеркале.

– А так и не скажешь, что есть взрослый сын, научная степень, а сама я жена бизнесмена. Обычно подобный типаж у киношных вампирш, стерв, жадных до секса. Но про меня нельзя сказать ни первого, ни второго, ни третьего.

Татьяне мало что по-настоящему нравилось в жизни, од-

нако наблюдать за чужими ожиданиями, подмечать не соответствие внешнего внутреннему, было довольно любопытно. Она не стремилась подчеркивать хищность собственных черт яркой помадой или резкой подводкой – и вместе с тем – не сглаживала возможного эффекта.

– Если кому-то хочется считать себя гением физиогномики, сразу определившим мою внутреннюю суть, его право, кто я такая, что бы мешать кому-либо делать собственные ошибки.

В собравшейся этим вечером компании, ее воспринимали умной охотницей за деньгами. Все без исключения.

– Наверняка мой собственный муж в глубине своей пошловатой и трусоватой души уверен, что я недалеко ушла от большинства жадных до денег девиц. И мысль эта ему приятна. Ведь тогда получается, что моя холодность всего лишь отличная, особо оригинальная игра, поднимающая цену.

Татьяна слегка поморщилась от последней мысли. Не хочется так думать. Впрочем, обманывать себя она никогда не пыталась, а реальность день отодня, из случайно оброненных фраз, из мелких поступков делала взгляд на Виктора все более ясным и до тошноты трезвым.

Вот он вальяжно растянулся в кресле, покачивая пузатый бокал в правой руке. Кажется, что Виктор внимательно прислушивается к хозяину сего застолья, ведь дружить с представителями органов крайне полезно для бизнеса. Дружить, значит, пить вместе. Вот только он успешный предпринима-

тель, не быдло какое, следовательно, пить надо по-благородному: Виски или коньяк. Коньяк, по правилам, согревают в руках и смотрят на свет, как стекают капли по стенкам бокала. Или это про вино? Впрочем, какая разница. В бликах от горящего камина при круговом движении кисти блестит золотая печатка, намекая на статус владельца.

– Витя, да пойми ты, – С нажимом проговаривая каждое слово, продолжает монолог сурового правдолюбца Хозяин дома. Его начало Татьяна пропустила. – Если не будет ментов, не будет ничего. Тебя любой, Сука, может поймать, отыметь, обобратить. А ты и вякнуть не посмеешь. – Взгляд его фокусироваться на собеседнике периодически отказывался, норовя уполсти в закат. Но пьяный Коля лишь бычился, сам себе напоминая в такие моменты мощного орла с пронзающим взором. – Представь только, что было бы, если бы ментов не было бы! девяностые, девяностые вспомни?! Весь тот беспредел!

– А че такого? – Не врубился в речь приятеля Виктор, отвлекшийся на Люсечку, поправляющую вполне аппетитное декольте. У него начало девяностых ассоциировалось исключительно с первой пьянкой, первым сексом и первыми заработанными деньгами. Короче, молодость, ништяк.

– В Ваших структурах, Николай, тогда ведь были большие проблемы с работой? – Безразличный голос Татьяны включился в диалог неожиданно, – Меня последнее время умиляет беспредельная самоуверенность представителей Вашей

профессии. Проблемы с работой, деньгами, поиском своего места в новых условиях были у всех, но Ваши коллеги, Николай, почему-то присваивают себе исключительное право говорить о том времени в черных тонах. Большая часть людей адаптировалась, продолжила влюбляться и разводиться, переживать и развлекаться, рожать... Да просто жить, глядя вперед. И лишь Вы, вспоминая, страдая от собственной неприкаянности в тот период, не можете его простить и забыть. А годы-то были обычные... Для переходного периода, конечно.

Хозяин дома багровел, не все понимая, о чем говорит жена Виктора, вот только ему настойчиво казалось, что его пытаются опустить. Неизвестно, как бы он в итоге отреагировал, но тут, рассыпая фортепьянные капли, их беседу прервал телефон Татьяны, и она, холодно извинившись, вышла из комнаты.

– Сууучка. – С чувством выдохнул Николай.

– Точно. – С гордостью согласился Виктор.

Люсечка кокетливо хихикнула, а молчавший весь вечер Толик заалел щеками.

Вернулась Татьяна в момент очередного тоста за великую, неделимую Россию.

– Крым наш! – Попытался поддержать хозяина дома Толик, высоко держа бокал и блестя глазами.

– Причем тут Крым, – Пробормотал Николай, накаливая шампиньон. – Хотя, конечно, наш. Все наше.

– Как Пушкин, – Татьяна не смогла промолчать.

– какой нахрен Пушкин?!

– Наше все. – В недоумении от непонятливости собеседника она слегка приподняла брови.

Виктор заржал, гости слажено захихикали.

– Да идите Вы. Либля... Леблин... Либлерасты чертовы. – Не справившись ни с ускользящим грибом, ни со сложным словом, Николай сплюнул.

– Закусывай, Мильй, – Прощебетала Люся, подкладывая салатик в тарелку мужа.

– А смотрит при этом на студентика. – Отметила Татьяна.

– Ууу, какая же ты сладкая.

Дверь еще не закрылась, Татьяна не успела сделать и пары шагов, как ее обхватили руки мужа. Сминая грудь, покусывая шею, он страстно бормотал. По крайней мере, Татьяна использовала этот термин, звучащий более вдохновляюще, нежели пришедшее на ум «бессвязно».

– Какая ты холодная, ледяная стерва, потрахалась уже? Признавайся, кому сегодня успела дать? А? А?

Виктор по-хозяйски задрал юбку жены. Наклоняя ее чуть вперед, хрипло продолжал шептать:

– Сучка, ты моя холодная Сука, ведь подставляешься под любого желающего. Рассказывай, не стесняйся, ты же знаешь, я не против. Главное, не забывай, кто бос. Кто твой бос?

– Ты мой бос. – Флегматично повторила Татьяна. Опер-

шпись руками о туалетный столик, она так же спокойно заметила:

– белье не порви.

Виктор зарычал:

– Ах ты, Шлюха! Новое куплю.

Сквозь опущенные ресницы Татьяна наблюдала за их с мужем отражением в зеркале. Лицо сильно подвыпившего Виктора, наливаясь краснотой, сливалось по цвету с ее шелковым платьем. Крупные капли пота некрасивыми пятнами темнели на рубашке. Она выгнулась сильнее, оттопыривая зад: «лишь бы платье не закапал».

– Да, Сучка, да! – Звонкий шлепок по влажным ягодицам.

– Даешь тому, кто деньги платит? Скажи, да?

– Да, да. – Татьяне даже сексуальную хрипотцу изображать не пришлось. В комнате было жарко, и горло пересохло.

«А ведь это уже не игра» – Промелькнуло в ее голове.

– Я так и знал. — очередное: «да» на выдохе, и довольный Виктор расслаблено развалился на застеленной кровати. Татьяна выпрямилась, одергивая юбку. Едкое: «быстро ты» она не произнесла.

– В душ сходи, а я постель разберу.

В дверь что-то глухо ударило. Послышалась возня и невнятное бормотание.

Виктор, будто и не засыпал секунду назад, резво подошел и, схватившись за ручку – для опоры, не иначе – яростно спросил:

– Кто? – Мгновение, и его напряженная поза расслабилась, – Колян, ну ты воще!

В проеме распахнутой двери показался ввалившийся в невменяемом состоянии хозяин праздника. За его спиной темнел коридор.

– се... все спать... – проворчал Коля и попытался рухнуть на пол.

Виктор среагировал моментально, поймав приятеля. «вот интересно, – Подумала Татьяна, – супругник ведет себя, как полностью не контролирующая свои действия пьянь, и при этом реакция чуть ли не выше нормы».

– Братан, Братан, ну ты Ваще... хехе, – покрхтывая от навалившегося всем телом приятеля, Виктор кивнул жене. – Пойдем, твоя комната дальше. Набрался ты, Колян. Даа, хех, Красавчик.

«А может не так уж он и пьян? – Продолжила думать о своем муже Татьяна, придерживая дверь и зажигая свет в холле. – Ведь притвориться нетрезвым сильнее, чем есть на самом деле, легко – за одно и позволить себе то, чего обычно не позволяешь. Например, гадостей жене наговорить и проверку на вшивость устроить».

Из размышлений Татьяну вывел сдавленный не то сип, не то застрявший вдох Николая, а также удивленное: «Твою ж мать!» Виктора. В холл второго этажа выходило три двери: гостевая комната, санузел, и основная спальня. Неторопливо развернувшись, она подошла к мужчинам, застывшим на по-

роге хозяйских покоев, и заглянула через плечо коренастого милиционера. Увиденное не выбило ее из колеи, не взволновало и ничуть не удивило. Одним взглядом оценив представшую картину, она отступила от Николая за минуту до того, как он, захлебываясь междометиями, предложениями и матом, одновременно попытался шагнуть внутрь помещения, придушить невидимого врага и поймать ускользящее равновесие.

– Так и прибьет, не заметит. – Отметила для себя Татьяна, отступая еще на шаг. – Хоть бы этот голый идиот сбежать успел. Еще не хватало полиции и разбирательств.

Насколько сходятся мысли супругов, науке неизвестно. Но Виктор, окончательно стряхнувший с себя остатки хмеля, упершись крепче ногами в пол и перегородив проем, обнял не владеющего телом Николая. Перекрикивая его вопли, он раз за разом повторял:

– Колян, ща разберемся. Не гони. Остынь. Разберемся. Ща, братан... Ну ваще...

Татьяне не надо было видеть происходящее в комнате, чтобы представить, как растерянный Толик, застывший в идиотской позе с вытянутыми руками, медленно и тупо озирается в надежде, будто кто-то сейчас ему подскажет, что говорить и делать. Его руки безвольно опускаются, а взгляду возвращается осмысленность и тут же ее сменяет ужас. Секунды текут, и суетливая хлопотунья Люсечка соображает и действует почти мгновенно. Она носится по комнате,

собирая трусы, штаны, свитер... Неопрятным комком сует одежду словно бы съжившемуся парню, поправляет собственный сбившийся халатик, зачем-то хватается за расческу. Кое-как попадая в рукава и брючины, тоненько подхихивая, Толик, наконец, одевается. Люся, забившись в дальний угол, часто всхлипывает.

Обмякший на плече приятеля Николай, невнятно всхрипывает. Он позволил Виктору завести себя в комнату, но вдруг без предупреждения и криков резко повернулся и всадил кулак точно в скулу пытавшемуся прошмыгнуть Толику.

– Будешь знать, Сученок. – с удовлетворенным и предвкушающим выражением лица он глянул на неверную супругу.

– Я... Я н-не хотела. – Пролепетала испуганная Люся. – Он с-сам...

– Ответишь еще! – всем сразу посулил Николай, пихнул протянувшего руку Виктора и, не раздеваясь, рухнул поперек кровати.

– Ну ваще. – в который уже раз за этот вечер повторил Виктор.

– Глупо как-то это все. – не то объяснился, не то покаялся пробегающий мимо Татьяны Толик, одной рукой держась за скулу, в другой неся ботинки.

3. Тонькина радость и горе

Антонина Трушкина: «Понять меня несложно».

Стихи, вошедшие в первый сборник, были написаны Тоней в старших классах. Она не задавалась вопросами поиска издательства, будущей реализации, папа как-то договорился... А с кем и за что – не так уж и важно. Все ее мысли того времени крутились вокруг подходящего псевдонима. Поэтесса с фамилией Ватрушкина звучало как-то несолидно. Тоня исписала несколько тетрадей различными вариантами. Антонина Свет. Антонина Снежная. Антонина Смайл – слишком заурядно. А. Смежная, А. Смысл – не без юмора, но двусмысленно. И так по очереди она перебирала алфавит, вслушивалась в звучание, представляла образы и придумывала соответствующую подпись. Пока ее не озарила в буквальном смысле гениальная идея: Фамилия должна начинаться на Т. Тогда ее ФИО сложатся в АРТ. Но не смотря на большой словарный запас – звание поэтессы обязывает – Тоне приходили на ум исключительно непоэтичные Тварь, Тьма, Троль или Туз. Все они плохо сочетались с ее именем и тем более не подходили к характеру.

– Они не отражают. – Печально вздыхала она, жалуясь вечером маме, и смотрела грустными большими глазами. – Ну почему у тебя девичья фамилия Здобина? Вы с папой будто специально. Так бы я взяла твою фамилию и придумывать ничего не пришлось.

– Если тебе не нравится Ватрушкина, убери пару букв и будет тебе фамилия на букву Т.

В конце концов Тоня последовала совету матери. Произо-

шло это после того, как ее тетрадь с вариантами псевдонимов попала одноклассникам, и они, покатываясь со смеху, неделю называли ее кто во что горазд. Ватрушкиной расхотелось экспериментировать.

Антонина Трушкина: «Проста, доступна и ранима».

На второй сборник стихов (толщиной в методичку) известной в узких студенческих кругах поэтессы сбрасывались всем миром. День рождения – отличный повод. О своем желании издаваться Тоня предупредила всех заранее. Участвовали те, кто изначально даже и открытки подписывать не планировал. А сколько оставалось до необходимой суммы – Тоню мало интересовало. Папа что-то добавлял и ладно. Гораздо интереснее было обдумывать концепцию книги. Она уже не та малолетка, страдающая от непонимания окружающих. Она – женщина, что-то между Ахматовой и Цветаевой. Немного циничная, но это оболочка. Внутри же она все еще чуточку наивна.

Антонина Трушкина: «Мой молчаливый собеседник».

Третий сборник готовился к электронному изданию. Мама с папой неожиданно развелись, и как взрослая самостоятельная женщина, Тоня решила издаваться за собственную зарплату. в этот раз она писала ему и для него. Он являлся то в образе прекрасного принца, то представлялся inferнальным врачом. Директор агентства Виктор так же попал на страницы под заглавием «Не говори, что не помнишь». Отдельные строки в порыве разочарования всему мужскому

были посвящены мудрому рыцарскому коню.

– Вся жизнь моя – лишь концентрат нормальности! – Переживала Тоня. – Ну как творить обычной девчонке, воспитанной в полной семье без каких-либо лишений? Ну хоть бы один друг гей, подружка транс... почему везде только и пишут о безумии 21 века?! Ну хоть бы один безумец жил бы ПО соседству. Среди однокурсников даже никакого завалывающего инвалида не попало. А в параллельном потоке точно свой собственный слепой имеется. А мама с папой! Затеяли тоже мне развод на старости лет.

Нет, конечно, она им в принципе не желала развода. Но если уж все равно решили, то надо это было делать раньше. Страдания подростка – это так, так... да никак, не интересно. Лучше бы завели семью на стороне, и была бы у нее сестра-близнец и наркоманка. Тоне до дрожи, до бессонных ночей хотелось жизни, смерти, прикосновений к настоящему горю, счастью. Ее бесила собственная обычность, и всеми силами она стремилась к изменению данного факта. Красить волосы синим, сделать дреды родители не разрешили. Пришлось отпускать гриву на волне массовых коротких стрижек, что накрыла подружек в школе. Среди брючно-джинсового однообразия носить и зимой, и летом нарочито старомодные, но несомненно женственные наряды. И если в школьные годы выглядело это не вполне естественно, то молодая женщина с распущенными кудрями ниже попы, грустными глазами и в платьях до середины икры, вызывала мужской

интерес и женское неприятие. Однако, увы, лишь на короткое время. Узнавая ее получше, девчонки неожиданно переставали видеть в ней роковую соперницу, переходя к доброжелательному покровительству. Мужчины... Ах, мужчины, да кто же их поймет?! Взять того же Толика, которого она помнит с первого класса в сиреневых колготках и с ровно подстриженной челкой. как устроился (с ее между прочим помощью) на работу, Как завел собственную девушку, так и подруга оказалась не нужна. А ей просто не с кем больше обсудить такую новость. Коллеги бездушно пожимают плечами, отворачиваются, неожиданно вспыхнув интересом к бесполезной макулатуре на столе или тупо повторяют какую-то банальщину, мол, все это, конечно, грустно, но может ему там теперь легче. А еще коллеги, друзья...

Бездушные тени бесплодных иллюзий
скользят между строк, между смыслов, все в пене.

На завтрак полезные хлопья и смузи,
На гроб пятисотка, письмо с извиненьем.

В глазах одиночество хряка на грядке...

Тоне так понравилась последняя строчка, что она, улыбувшись, несколько раз ее повторила. Затем огляделась и, заметив угрюмого Толика, выходящего из кабинета Виктора, подхватила его под локоток.

– Знает уже, наверное, – подумала она, выходя с ним на лестничную площадку.

– Знаешь, да? – Она быстро взглянула на него, опустила

глаза на потерянные ступени, потом снова посмотрела прямо, ожидая ответа.

– Что? – Толик будто вынырнул из глубокого сна и как-то испуганно уточнил: – Кто что знает?

– Про Васю Воробьева. Умер ведь. – На лице Тони, не задерживаясь, менялись выражения: от высокой грусти до хмурой сосредоточенности. Однако между ними так и прорывалось неудержимое волнение с недостойным любопытством. Она вглядывалась в глаза друга, надеясь и у него поймать хоть толику эмоций, чтобы разделить их. Ей нетерпелось ощутить единение общих чувств. Впрочем, мысли Толика были далеки от бывшего коллеги, не сумевшего победить рак.

– Да, бывает. – Невпопад ответил. С силой вдавил недокуренную сигарету в консервную банку, заменяющую пепельницу. Ничего больше не сказав, развернулся и ушел.

– В глазах одиночество хряка на грядке... – Задумчиво пробормотала Тоня. Но не успела она покинуть место для курения, как по-хозяйски: решительно и в то же время вальяжно к ней присоединился Виктор. Начальник одарил девушку снисходительной улыбкой. Масляным взгляд у него был исключительно до того случая на корпоративе в его кабинете, после которого Тоня благородно решила не разбивать семью из-за роковой страсти. Даже речь заготовила, полную глубокого психологизма и высоких чувств, а Виктор сделал вид, что был сильно пьян, не думал, не знал и вообще не пом-

нит. Впрочем, перемены в его взгляде на себя Тоня заметила сразу, объясняя все защитной реакцией, что бы при этом не имелось в виду.

– Че, Красотка, неужто и ты закурила? – Нарочито громко щелкнув зажигалкой, Виктор выпустил дым с таким вздохом облегчения, как иные опрокинувшие кружку ледяного пива после бани. Несколько дольше, чем требовалось, он покрутил зажигалку между пальцев, словно ожидая просьбы прикурить, проявления любопытства, ну или, как минимум, восхищенного взгляда. Только Тоня, погруженная во все те же мысли, проигнорировала и вопрос, и брендовую вещичку.

– Ты сегодня прям Леди Печаль. Как будто кто-то умер. – Он хохотнул от неуместности подобного предположения. – Ну же, улыбнись.

– Да.

– Что да?

– Вася умер.

– Сочувствую, но так бывает, нового заведешь.

Они несколько секунд ошарашено смотрели друг на друга.

– Вася Воробьев. – Разъяснила Тоня наконец.

– Твой парень? – У Виктора было хорошее настроение, однако он постарался скроить в достаточной степени унылую физиономию.

Тоня разозлилась, выйдя в конце концов из отстраненной задумчивости и рявкнула:

– Вася Воробьев, работал у Вас здесь раньше. Сидел за

столом с права от дверей. Вел договора с юридическими лицами по аренде.

– А, помню-помню. Жаль, молодой ведь совсем? – Видно было, что Виктор никого не вспомнил, да и в сущности ему не было дела ни до смерти, ни до жизни кого-то постороннего. Они еще немного помолчали, затем он спросил:

– А Толян вышел сейчас такой расстроенный – тоже про Василия узнал?

– Да нет, он сегодня весь день какой-то грустный и дерганый.

– Ааа... – Виктор оживился, позволив себе заговорщицкую улыбку. – Только между нами! Он на выходных то ли трахнул, то ли изнасиловал жену одного чела, а тот капитан полиции – резкий мужик. Там, правда, все пьяные в жопу были, так что непонятно, кто и что... Вот только боится Толян не зря. Я тебе по секрету скажу, попадись наш пацан этому капитану, пристрелит, не задумываясь. – Дабы подчеркнуть, что он не всерьез, Виктор отклонился назад и, ухмыльнувшись, подмигнул пришибленной от новостей Антонине. – Такой вот наш коллега ловелас.

Все мысли о печальной судьбе Васи Воробьева у Тони мгновенно смыло от захлестнувших новых невероятно сильных эмоций. Да и что этот Вася! Ему, действительно, там лучше. Отмучился и пусть спит с миром. А вот Толик! Подумать только! Среди ее, Антонины Ватрушкиной, друзей появился свой собственный настоящий маньяк. в ее глазах

отбивали чечетку рифмы. Поэтесса в трансе и творческом ажиотаже побрела к рабочему месту.

4. Плачут все

Толик плакал. Беспомощно и жалко. Дрожали потерявшие форму губы, мелко тряслись плечи, вздрагивали колени с зажатыми между ними руками. Толику было невыразимо стыдно. Узнала мать, проведала Ольга и Ватрушкина, и Макс, и все в институте скоро будут знать. Виктор же говорил, что ничего страшного. Что проспится Николай и не вспомнит. Потом, что проорется, попугает и забудет. Что эта Сука Люся не первый раз уже так попадается и почему он должен быть крайним. Ему бы и в голову не пришло приставать к чужой женщине, но она же сама! Как бедром касалась, как за спиной пьяного мужа облизывала пальцы, глядя на него бесстыжими глазами. О какой карьере, дипломе, женитьбе теперь может идти речь?! Уголовное дело! На него! Да за что? И мама, мама в курсе, как будто нельзя было решить как-то все по-тихому. Ну врезал бы Николай ему еще раз... ну он бы снова извинился. А цирк то зачем устраивать?! Приехавшие домой опера, непонимающие вопросы матери и Ольги... Позорная сцена допроса и мучительные объяснения дома.

Плакала Любовь Николаевна. Молча и безнадежно. До скрипа сжатые зубы, ломание пальцев, застывшая гримаса

боли. Человек железной воли, сурового воспитания. Не доверяя собственным инстинктам, по книгам и рекомендациям ведущих педагогов она воспитывала единственного сына максимально ответственно. Соблюдение режима – обязательно. Правильное питание – необходимость. Кружки и занятия – никакая не блаж. И ребенок рос, как и декларировали умные авторы, послушным и внимательным мальчиком. Никаких тебе детских истерик, подростковых бунтов, студенческих развратных вечеринок, поисков себя. И с гордостью она иногда думала, что сделала все правильно. Как оказалось, это иллюзия, самообман, ложь. Ее мальчик, ее Толюшка... Да мог ли он? Где она допустила ошибку? Как не заметила характерных признаков? Ведь не было же ничего такого. Он всегда был послушным, и как мать ей не в чем себя упрекнуть. Всею виной алкоголь и компания. Каких глупостей только не творят молодые парни, а женщины? Сами ведь после рюмки готовы вешаться на любого. Мог ли ее безвольный сын устоять? Вырастила, воспитала, а от пьяных баб не уберегла.

Плакала Ольга. Сердито и отчаянно. Размазывая слезы, громко сморкаясь, с упоением отдаваясь своему горю. Ее предали. Чистое светлое чувство растоптали, плюнули в душу. И кто? Этот тюфяк, слюнтяй, маменькин сынок. За ее спиной, как какое-то невоспитанное быдло! А она для него... а она с ним...

Плакала Тоня. Красиво и самозабвенно. Катились круп-

ные слезы по бледным щекам. В распахнутых глазах жила печаль и даже скорбь. До хрустального звона была напряжена тонкая фигурка под порывами безжалостного ветра. Вообще-то окно закрыто: ни пробирающего до кости холода, ни хотя бы сквознячка какого. Может выйти на улицу?

Идти, не стирая слез,

Сквозь улицы, вдоль проспектов.

Умершие не в серьез,

Предатели детских грез

Мне салютуют респекты.

У нее всегда так. После сильных потрясений, волны вдохновения, приходит беспричинная грусть. А в этот раз причин искать не надо. такие события, такие новости... Да только разделить, разделить их как всегда не с кем.

Плакала Люся. Униженно и горько. Болело избитое тело. Дрожало от ужаса что-то глубоко внутри, изредка вырываясь наружу короткой судорогой. Люсе было дико, до умопомрачения страшно. Он же бешенный! Забрал карточки, избил, запер в комнате. Не знаешь, что взбредет в его тупую башку. И убить, и покалечить может. И ничего ему за это не будет, свои же отмажут. Надо было так по глупому попасться. А идиот Толик дверь не догадался закрыть. Она бы вывернулась, притворилась спящей, сунула бы дурака в шкаф... И пусть как в анекдоте. Но нет, блин, страсть разум перемкнула. А может Колька совсем умом подвинулся, как пойдет, как застрелит мальчишку? Бедненький Толик, такой неис-

порченный, такой молодой еще... Виновата она что ли, если от мужа супружеский долг исключительно в пьяном угаре получает. Убьет ведь. У него дури хватит. Тогда-то его и арестуют.

Однако хлопнула входная дверь, раздались тяжелые шаги и хриплое дыхание мужа. Люся, почти уже расслабившаяся и успокоенная, вновь сжалась в своем углу и принялась истерически всхлипывать с новой силой.

– Ну, Милая, теперь все будет хорошо. – Ласка и забота, звучащие в голосе Николая, напугали Люсю чуть ли не сильнее, чем ожидаемая агрессия. – Не плач, не надо. Его накажут, клянусь тебе. Он больше не сможет причинить тебе вред. Он никому больше вреда не причинит. Обещаю.

Диалог 2: человек в жизни и литературе

Сообщение от КЭт:

– Привет. Смотри почту. Первая часть почти готова.
17 32

Сообщение от Серж:

– Ок
17:33

Сообщение от Кэт:

– Не поняла, а где комментарии?

20:17

Сообщение от Серж:

– Пока не смотрел. Вечерком почитаю.

20:18

Сообщение от Кэт:

– Уже вечер!

22:57

– Ну?!

22:57

Сообщение от Серж:

– Только что закончил

23:07

Сообщение от Кэт:

– Ну?

23:07

Сообщение от Серж:

– Надо подумать.

23:10

– Привет. Раз все равно не спишь, проще позвонить, чем вытягивать из тебя каждое слово.

– Здорова. Так я же ответил. Надо подумать, сформулировать.

– Братец, мне бы хотелось получить от тебя сливки! Первые впечатления без рецензий и купюр. А простокваша – продукт бес сомнения полезный, но его как раз и требуется выдерживать. Так что мысли и выводы как-нибудь, действительно, в следующий раз. А сейчас я тебя очень внимательно слушаю!

– Неплохо. Мне понравилось. Не совсем то, что я себе представлял, хотя любопытно.

– А что не то?

– герои. Я думал показать человека-ярлыка, сосредоточенного на внешнем соответствии и пустого внутри, а ты их показываешь людьми.

– а я не понимаю как иначе. То, что ты называешь: «внутренней пустотой», есть наполненность отличным от твоего содержимым. Сиюминутные ощущения от солнечных лучей на коже, от нескольких глотков паршивого кофе, от удобной одежды. Ты не заметишь таких мелочей, поглощенный очередным делом, другой человек будет ими наслаждаться. Короткие и простые, изворотливые и многоходовые, глубокие и детальные – мысли у каждого свои собственные. Уверен, что твой интеллект – твоя личная заслуга? Не давал зарастти жиром своему мозгу? А, признавайся? Осуждаешь тех, у кого мысли скачут без оформления и развития? Ведь, что бы не говорили психологи, у человека есть разум. О чем бы

не думали философы, у человека сохраняются инстинкты. И чего бы не считали юристы...

– О, а что считают юристы?

– Хотела по инерции чувства добавить, но на самом деле Вам, адвокатам, человек сам по себе не интересен. Для Вас имеют значение процессуальные лазейки да практика прошлых лет.

– И это правда. Скажу тебе так, Кэт, каким бы не был глупым внутренни́й мир индивидуума, как бы он не был начитан, попадаются в большинстве своем все одинаково. Системе все равно. и штампует она философов, психологов, студентов по одному образцу. Отлаженный механизм в действии, в котором работают не очень умные люди. Что, лично для меня, является неплохим подспорьем.

– Кто о чем, а юрист о лазейках. Но, возвращаясь к ярлыкам... Если, как ты считаешь, шаблонность поведения определяет личность, то в чем смысл нашей с тобой повести? Будто мало над этой темой смеются в Камеди Клуб и стендапах. Там все уже расписали: профессия, статус в обществе, образ, характер, манера поведения, круг интересов... Вплоть до списка фраз, присущих конкретному типу.

– Я хотел не просто показать человека-ярлыка, мне думалось найти выход для таких людей. Может через религию, может через литературу, но сейчас я начинаю сомневаться, нужно ли вообще их спасать. Ведь сильное потрясение, как в случае с Толиком, способно смять, уничтожить привыч-

ный образ жизни. Вот только если однажды из всех вариантов он выбрал для себя самый простой путь, то и в будущем он будет двигаться исключительно по течению. Он вполне возможно ударится в религию, если в колонии, куда его посадят, сильное православное движение. Впрочем, роста личности при этом все равно не будет, когда внутри нечему расти.

– Профессиональная деформация.

– Ты о чем?

– Кто дал, Братец, тебе право, определять внутреннюю суть человека? Вроде книжки неглупые читаешь, а рассуждаешь, как юрист.

– Поясни.

– юрист говорит в тебе: «Есть система, а в ней лазейки. Есть человек-ярлык, и надо найти варианты, как перестать им быть». Среди прочитанных тобою книг достаточно классики, немного философии и психологии, чтобы ты начал искать варианты среди религии, литературы, мессианства и т.д. но ты, ни много, ни мало, пытаешься излечить душу, не видя и не стараясь найти ее у человека. Причем, используешь те же шаблонные дорожки. Твои, правда, благодаря образованности, уровнем повыше.

– Давай, Кэт, расскажи мне о душе. Как ее надо отделить, возлюбить, пострадать вместе с ней? В итоге, что там обычно делают фанаты Федора Михайловича с заблудшими душами? Спасают? Ты еще «Маленьких людей» вспомни.

– Не тронь Башмачкина! К стати, о Гоголе, Достоевском, Чехове – ярлыки расставлены, пути прописаны. Сменились декорации, получше стал жить «Маленький человек», но случится из ряда вон, как он вздохнет смиренно и умрет. Позитивно униженный, индифферентно оскорбленный.

– Огонь! Запиши последнюю фразу.

– Смеешься? Заметь, «Маленьким людям» сочувствовали великие Русские. А как бы звучало двести лет назад обвинение Башмачкина в тупом потребительстве и охоте за яркими статусными вещами? Современная литература, кого не возьми, наделяет глубиной мысли-чувства человека из прошлого в псевдоисторических романах и, напротив, ударяется в маленькие грязненькие подробности, живописуя нынешнего ничтожного человечка.

– Так пиши, Кэт! С жалостью, любовью и всем почтением, как ты сказала: ко всем индифферентно-позитивным? И Давай спать. А то утомила ты меня. На юристов наехала, философов с психологами приплела, про литературу не забыла и вишенкой – загадочная Русская душа, мать ее. Но ты продолжай, неплохо получается.

1. Процессу быть

– А здесь пустынно. Нервничая, Толик начинал разговаривать в слух, точно ждал одобрения, но сам при этом оглядывался, не услышал бы кто. – Может на обед все ушли?!

Пластиковые номерки, – Вспомнив Египет, хихикнул. – 77, 82, 76. Табличка сбоку:

– Старший лейтенант Мальшко Г.А. Ну, кажется, сюда.

Деревянную дверь, которая при всей видимой легкости, оказалась неожиданно тяжелой, Толик попытался открыть решительно, однако вышло все равно робко.

– Здравствуйте. – Замешкался, определяясь протягивать руку или не стоит. Решил, что надо протянуть, но не протянул и как то жалко улыбнулся.

– Анатолий Евгеньевич, если не ошибаюсь? – Из-за стола поднялся среднего роста молодой человек, впрочем, без особенных примет. Если бы Толик встретил его на улице, то решил бы: «где-то я его видел, может из параллельного потока или в Тонькиных друзьях». И тут же выкинул из головы. Будто в пику непримечательной внешности, следовательно красовался в ультра-салатовой рубашке без галстука. На общем унылом фоне обстановки кабинета своей жизнью цвела, передвигалась, дышала и впитывала лишь одна эта рубашка. – Проходите, пожалуйста, кстати, зовут меня Геннадий Анатольевич. Я... – Он откашлялся и повторил, – я занимаюсь расследованием Вашего дела. Садитесь, будьте добры.

Несмотря на явную неуверенность почти ровесника, воспринимая его вежливость, как прелюдию к будущим репрессиям, Анатолий присел на скрипучий стул. Поерзал в попытке устроиться комфортнее, да казенная мебель не располагала к удобству. Тем не менее, закинув ногу на ногу, он избра-

зил важный и независимый вид. Пауза затягивалась. Следовательно часто щелкал мышкой, пустым взглядом глядя в монитор. У Толика начала подергиваться нога. Зачесалась шея. Почему-то пересохло во рту.

В дверь постучали и, не дождавшись ответа, в кабинет вошел молодой человек в ладно сидящем черном пальто с объемистым кожаным портфелем. Во всяком случае, на первый взгляд он казался таковым. Его уверенность мгновенно сделала то, с чем никак не справлялись ни нарочитая поза Толика, ни кричащая рубашка следователя. Уверенность мужчины в незыблемости основ мироустройства, в котором он твердо знает что и как, а если и ошибается, то мир извернется, и все само исправится. Его настрой распространился на сидящих в кабинете, заполнил унылое пространство вокруг и даже немного выплеснулся в приоткрытую форточку – так, что блеклый голубь, безнадежно топчущий карниз, вдруг встрепенулся и, выпятив грудку, призывно закурлыкал.

– Можно, Геннадий Анатольевич? – Спросил он красивым раскатистым баритоном и широко улыбнулся.

– Александр Валерьевич! – Следователь уж было встал навстречу, однако вспомнив о собственном статусе, сел обратно и откинулся на спинку стула. – Заходи. Мы только тебя ждем, не начинаем. Вот, Анатолий Евгеньевич, прошу любить и жаловать. Государство Вам предоставляет адвоката, за которого платить не надо. Оно само все ему завас отдаст. –

При этих словах следователь и адвокат синхронно улыбнулись. До оскомины повторенная фраза, до автоматизма отработанные улыбки – и это невзирая на то, что ни одному из них не было еще и тридцати.

– Если, конечно, Вы не желаете пригласить защитника по соглашению, которому будете платить уже сами. – При данных словах юрист посмотрел на Толика, словно с неодобрением.

– Да нет, мне зачем? Я же ничего такого не сделал... Это же несчастный случай был... Я же не хотел...

– Вы поговорите, – следователь махнул рукой в сторону коридора, – Александр валерьевич адвокат с опытом, он сейчас вам все расскажет.

– и расскажу, и объясню.

Вернувшись, они оба сели напротив следователя. Толик был спокоен и сосредоточен. Адвокат щелкнул металлическим замком портфеля и достал ручку, ну почти как Паркер, тетрадь в коричневой (похожей на кожаную) обложке и серьезно посмотрел на каждого по очереди.

Хозяин кабинета развернулся к экрану компьютера и скороговоркой забормотал:

– Протокол допроса. Дата 13. 11. 2017 Время, 14:17, Следователь: М А Л Ы Ш К О Г Е Н Н А Д И Й А Н А Т О Л Ь Е В И Ч. – С победным видом он глянул на изредка шелкающего ручкой адвоката, по всей видимости приготовившегося к длительному ожиданию. Фыркнул и продолжил бить по

клавишам одним пальцем. – Лица, участвующие в допросе: подозреваемый... – Толик передернулся, но промолчал. – и адвокат... ВА Л Е Р валер РЬ Е ВИЧ.

Так... подозревается, статья... права...

Толику стало скучно. Он ждал вопросов и обвинений, но приходилось молча сидеть. «Предложить что ли следователю помощь? Печатаю я гораздо быстрее. Или обидится?!» – полусонно размышлял он, не решаясь достать телефон, заглянуть в чат или поиграть. Александр Валерьевич перевернул страницу. Следователь без пояснений встал из-за стола, взял лист с распечаткой из стопки, лежащей на подоконнике, вышел из кабинета. Вернулся. Продолжил, бормоча, печатать, делая вид что полностью погружен в процесс и напрочь забыл о посетителях. Если адвоката происходящее не трогало, он сидел с глубокомысленным выражением лица, ритмично шелкая ручкой, делая пометки в тетради, то для Анатолия с каждой минутой положение казалось все более невыносимым. Он несколько раз повторил заготовленный рассказ, в котором все-все объясняется: «ну с кем не бывает?» пока набор подобранных фраз не потерял смысл и не превратился в кашу из отдельных слогов. Стал наблюдать за голубем, только тот вскоре улетел. Зевнул. Решил уж было отпроситься покурить и в туалет, когда Геннадий Анатольевич, резко выдохнув, отодвинулся от монитора, расправил плечи, постучал пальцами по столу. «Вот сейчас, сейчас все начнется» – Подумал Толик, тоже выпрямился, согнав оцепенение,

но собраться с мыслями не получилось.

– Рассказывайте, Анатолий Евгеньевич. – Вот так запросто, без затей предложил следователь.

– Я приехал в гости. Мы праздновали день независимости? – Адвокат удивленно моргнул. – Единства? – Попытался исправиться Толик. – Конституции? В общем, выходные. Когда Николай уснул, Люся позвала меня в спальню. Мы с ней там и это... Это самое... Мы и раньше, в Египте еще. Так что она не была против. Она и хотела. Я бы сам не стал бы. – Толик, растеряв все аргументы, мямлил и смотрел с надеждой то на адвоката, то на следователя. «ну должны же они понять. Ну мужики, как он ведь!» и Геннадий Анатольевич не подвел. По-свойски улыбнувшись, он принялся задавать уточняющие вопросы, и Толик расслабился. Прав оказался Александр Валерьевич, сказавший ему в коридоре, что мол следователь молодой, да свой парень, разберется, не дурак, так что надо просто и честно отвечать. «Нет-нет, признавать вину незачем, просто рассказать правду».

– Как Вы оказались в гостях у Сидорчук 4 ноября 2017 года?

– Коля пригласил.

– Вы давно знакомы с супругами Сидорчук?

– В сентябре этого года мы познакомились на отдыхе в Египте. я говорил, мы с Люсей там еще.

– то есть Вы утверждаете, что у Вас с с Люсинэ Сидарчук была интимная связь?

– А кто это? Ой, понял, я думал ее Людмилой зовут. – Толик сдержал неуместный смешок, но немного самодовольная улыбка задержалась на лице. – Да, у нас был роман. – Он подумал секунду и добавил:

– На добровольной основе.

– Вы подтверждаете, что 4.11.2017 между Вами и гражданкой Сидорчук состоялся половой акт?

– Как бы да. На добровольной...

– Вы подтверждаете факт алкогольного опьянения 04.11.2017?

– Ну да, говорю же, отмечали.

– Вы планировали половой контакт с гражданкой Сидорчук заранее?

– Не то что бы... – Толик несколько раз моргнул, немного помялся, и все же, решив быть честным до конца, со смешком ответил:

– Была такая мысль. Мы ведь в Египте еще, я же рассказывал.

– Что произошло дальше?

– Ее муж пришел.

– Один?

– нет, еще Виктор Эдуардович и Татьяна Игоревна. – Толик покраснелся, вспомнив взгляд психолога, и вытер испарину.

– Свидетели, значит, имеются.

– Да-да! Они подтвердят! – Обрадовался Толик. «тут ведь

каждая мелочь важна» – подумал он, с уважением глядя на следователя.

– Что Вы сделали после?

– Ушел. – Пожал он плечами, и вдруг неожиданно наябедничал:

– Николай мне съездил... то есть ударил по лицу.

– Заявление писали?

– Да нет, зачем? Я же понимаю, кому понравится такое...

– Заключения от врача так же не брали?

Толик отрицательно покачал головой, адвокат с легким неодобрением кивнул.

– В целом, ситуация понятная. – Следователь небрежным жестом достал седьмой айфон из кармана, мельком взглянул на экран и проставил время окончания допроса. – Анатолий Евгеньевич, распишитесь здесь... Здесь... И тут еще. – голос Геннадия Анатольевича попротокольному сух, потускнела рубашка, а весь кабинет с наступлением темноты точно покрылся пылью.

– Что теперь со мной?

– Сейчас выберем меру пресечения. Вы ведь сбегать не собираетесь? – Следователь хохотнул, адвокат резким движением отчеркнул что-то в тетради, захлопнул ее и, ободряюще глянув на Толика, уверенно заявил:

– Моему клиенту нечего скрывать и прятаться. Геннадий Анатольевич, я полагаю, подписки о невыезде вполне будет достаточно? Закрывать господина Королькова с преступни-

ками на время следствия смысла нет.

– Согласен, Александр Валерьевич. Разве что домашний арест?

Несколько секунд молчаливого диалога взглядов. Следователь, будто в жесте капитуляции, приподнял руки. – Ладно, уговорил! Повезло Вам, Анатолий Евгеньевич, с адвокатом!

Толик приосанился, от всего сердца пожал каждому руку, поблагодарил несколько раз и следователя, и адвоката. Зачем-то извинился и, окрыленный, выскочил на улицу. Глубоко вдохнул морозный вечер, рассмеялся и подумал, что жизнь прекрасна!

– оставшиеся наедине Александр Валерьевич и Геннадий Анатольевич по-приятельски распрощались:

– Что думаешь?

– Быстро закроем.

– Согласен. Сюрпризов не должно быть.

2. Свидетели

Не столь длинный, сколько муторный допрос подошел к концу. Татьяна вышла в коридор, а ее место напротив следователя занял Виктор. Она могла бы уйти, но возвращаться к служебным обязанностям почему-то не хотелось. Ехать домой и ждать там супруга – тоже. Она села на побитую временем скамейку и принялась мысленно сопоставлять свой,

прямо скажем, малоинформативный рассказ с записями следователя. «не соврала, не преувеличила... Тогда откуда взялось такое гадостное послевкусие?» ее не спрашивали о впечатлениях и догадках. В сухой последовательности казенных фраз, лишенных интонаций и понимающих переглядываний, происшествие из нескладного адюльтера превратилось чуть ли не в запланированное изнасилование. Но какое слово стало решающим она не могла сообразить. И был ли шанс у Татьяны не произнести или, напротив, сказать то самое волшебное слово, расставляющее все точки и акценты в правильных местах?

Гулкое эхо шагов и знакомых голосов выдернуло ее из размышлений. О чем говорят поднимающиеся на второй этаж не разобрать, однако бурчащие интонации Николая и птичий говорок Люсечки Татьяна определила до того, как увидела супругов Сидорчук. Она зачем-то поднялась и направилась в противоположную сторону, будто не хотела встречаться с семейной парой. Остановилась, усмехнулась, поймав себя на чувстве брезгливого неудовольствия. После развернулась и приветственно кивнула.

Люся показательно скромничала. Опуская лохматые ресницы, теребя ремешок сумочки, нет-нет, да бросала короткие вопросительные взгляды на мужа. Николай излучал грубоватую заботу дрессированного медведя. Придержал шубку супруги. предложил принести воды. Указал, где можно найти туалет. После чего со словами: «Ну вы, Девочки, пока

посекретничайте» ретировался.

Не желая вести светских бесед, Татьяна заняла покинутое ранее место и достала планшет. Самое время почитать давно отложенную статью.

Люся присела на краешек скамейки метрах в трех. Достала свой телефон, убрала. Вытащила косметичку, глянула в зеркальце. Убрала. Поерзала, вздохнула, откашлялась. Татьяна не пошевелилась.

– Не знаешь, надолго там? – спросила Люся максимально нейтральным голосом, на который только была способна.

Слегка пожав одним плечом, не отрываясь от текста, Татьяна выдержала секунд десять, но все же ответила:

– Меня два с половиной часа допрашивали. Виктор зашел минут двадцать назад.

Люсе очень хотелось расспросить что да как. Однако весь вид Татьяны однозначно показывал: «не стоит».

– Смотрите-ка, снежную королеву из себя строит! Психолог недоделанный. – Думала Люся, разглядывая Татьяну из-под ресниц. – А ведь она презирует меня! Даже не поворачивается в мою сторону. какое право эта стерва имеет меня осуждать? Посмотрела бы я, будь она на моем месте. Не так бы извернулась. – страх и боль последних дней трансформировались в ядовитую ненависть. Люсю аж затрясло от желания выдернуть планшет из рук Татьяны, разбить его, а после подправить немножко идеальный макияж женщины. – Селедка мороженая! Ей нормальный мужик достался. Не пьет

почти. Ее не бьет, зарабатывает. – Она завистливо вздохнула. – Можно себе позволить нос задирать да от других воротить. Наверняка фригидная! – от последней мысли у Люсине даже настроение чуть-чуть улучшилось. – конечно, фригидная. Вот ей чужие радости покоя не дают. Не даром ее муж на мое декольте облизывался.

Татьяна упорно смотрела на текст статьи, но вопросы и ответы, четко и последовательно возникающие в голове, не давали шанса сосредоточиться. «Допрос свидетелей выглядел подгонкой фактов под удобную картину. Я не могу со 100% уверенностью заявить, что секс был по обоюдному желанию. Взгляды, провокационное поведение, отсутствие криков и явной борьбы – доказательствами не являются. А, значит, студента с высокой вероятностью посадят. Может поговорить с Люсине, и она заберет заявление? – Татьяна представила праведное негодование жертвы. – Нет, она слишком боится своего мужа. Созависимые отношения в чистом виде. с ней бы пришлось долго, слишком долго работать. И не факт, что терапия принесет результат. Здесь необходимо перестраивать всю картину мира, а на это требуются все силы. Ей это попросту не надо. вызывать чувства сострадания, взывать к справедливости? Бесполезно. Чем сильнее стыд, тем отчаяннее она будет стоять на своем».

Татьяне бы пожалеть, проявить участие к жертве. Ведь, действительно, Люся самая настоящая жертва; собственных страстей, домашнего насилия. Теперь и время есть, и они на-

едине. Но чувство жалости в ней попросту отсутствовало к кому-либо. Татьяна искренне считала, что в большей части возникающих проблем люди виноваты сами. Вмешиваться в чью-то жизнь, тем более указывать на ошибки и их последствия, означает стать невольной соучастницей. Следовать советам все равно никто не будет, а виноватой тебя же и выставят.

ПРОТОКОЛ

Допроса свидетеля

Г. Н 15 ноября 2017 года

Допрос начат в ч:мин

Допрос окончен в ч:мин

Следователь 0—го отдела МВД России по центральному району г. Н.

Старший лейтенант Малышко Г.А. в помещении служебного кабинета №76 допросил в качестве свидетеля: Бугайчик Виктор Эдуардович. 1979. Гражданство РФ. Образование средне-специальное. Женат. На иждивении несовершеннолетних детей не имеет. Управляющий партнер ООО «Ви-Та»

По существу уголовного дела могу показать следующее:

04. 11.2017 я, в сопровождении супруги, Бугайчик Татьяны Игоревны и сотрудника моей компании Королькова Ана-

толия Евгеньевича, на собственной машине прибыл на дачу Сидорчука Николая Григорьевича примерно в 17:30 с целью совместного отдыха на природе. Королев Евгений Анатольевич другом мне не является, работает в моей компании с 9 октября 2017 года. Ничего, характеризующего его личность в положительном или отрицательном смысле, не скажу. Привез его по просьбе нашего общего знакомого Сидорчука Николая. Планом по изнасилованию Люсине Сидорчук он со мной не делился. 5 ноября в 1ч. 20 мин. я со своей супругой, Бугайчик Т.И., помог Сидорчуку Н.Г. подняться в комнату, где мы обнаружили подозреваемого Короленко Е. А. в нетрезвом, голом виде. Он некоторое время удерживал гражданку Сидорчук. После она вырвалась и спряталась от него. Выглядела испуганой. Одежда была частично снята. Несколько раз Сидорчук л. Повторила, что была против.

Виктор быстро пробежался по тексту протокола. Мысленно отметил ошибку в фамилии студентика. «Имя-отчество также перепутали» – Хмыкнул он, но в слух высказываться не стал. С их скоростью печати еще 3 часа просидеть придется в ожидании исправлений. «Весь день коту в задницу. Итак тренировку в качалке пропустил. Я же сказал, возможно, пряталась от пацана, но больше похоже, что она пряталась от мужа. Впрочем, какая разница». небрежно расписавшись в протоколе, Виктор энергично пожал руку молодому следователю.

– Работа у Вас... – он панибратски улыбнулся. – Вам бы

секретаршу.

Геннадий Анатольевич хохотнул:

– Ага, красивую и опытную. Дадут, потом догонят и еще раз дадут. Я сам себе начальник, следовательно и секретарь.

Виктор изобразил понимание и сочувствие.

– Да уж. За преступниками гоняться времени не остается. Ничего себе! На улице-то стемнеть успело. На сегодня уже никаких дел. Домой, домой.

– А мне еще потерпевшую допрашивать. – взглянув на часы, пожаловался следователь.

Распрощавшись на дружеской ноте, самодовольно улыбаясь, Виктор вышел в коридор. Увидев Люсечку, и не найдя ее мужа рядом, он глумливо ей подмигнул:

– Ваша очередь, Жертва маньяка-неудачника. – Он шутовски раскланялся. – Прошу!

Сравнивая собственные впечатления от допроса с мужем за вечерним чаем, Татьяна заметила:

– Надо было тебе все-таки дожидаться исправлений. Со всем ведь паршиво получается. Будто мы намерено подставляем студентика.

– Мне оно надо? – Виктор уж было сплюнул, но напорвшись на удивленный взгляд жены, с шумом выпустил воздух. – С Коляном ссориться? Прикинь, какие проблемы он может нам устроить? Блудит его Люсечка или нет, я не проверял. – он хохотнул, – молокосос теперь может утверждать, что угодно. Было – не было: Доказательства где?! Колян не

последний человек, у него связи. – «а с мальчишки какой толк?» – Виктор не произнес, но мысль была очевидна. Татьяна ни кивком, ни мимолетной улыбкой не поддержала рассуждения мужа, и Виктор обозлился. – Он полный кретин! Дверь не запер, мямлил что-то непонятное. А ты сама-то что на допросе сказала? А? а? не дура же ты лезть со своим экспертным мнением? – Засомневавшись, мало ли – хватило ума. Виктор взгляделся в глаза Татьяны. Она не отвернулась, не смутилась. Маска, в которую все чаще превращалось лицо жены, не дрогнула. Он ненавидел эту ее сдержанность. Если при знакомстве холодная отстраненность Татьяны ему казалась невозможно привлекательной, в первые годы брака – оригинально-возбуждающей, то последнее время волна иррационального бешенства накрывала его с головой. Сказать, сделать что угодно лишь бы треснула маска! Пусть покажет, наконец, свои чувства, мысли, свою гнилую суть. Ведь, наверняка, презирает его там, внутри, но шмотки, тачка, рестораны, терять то не хочется. Вот и строит из себя интеллигентку хренову. – Или тебе жалко стало бедного мальчика? Самой захотелось с ним перепихнуться? Ты, это, поторопись, а то посадят и станет твой мальчик, девочкой.

Резко встав и бросив недопитую кружку с чаем в раковину, Татьяна вышла не проронив ни единого слова. Злобная радость, сумел-таки вывести ее из себя, быстро прошла. Виктор посмотрел на захлопнувшуюся дверь, постоял немного. После, опустив плечи, взялся за мытье посуды.

3. Обычная жизнь

Ольге нравилась обычная жизнь. Как у всех, ничего плохого. Не то что бы у нее был подробный план, но генеральная линия, которой хотелось придерживаться, все-таки присутствовала. В школе хорошистка, в колледже – незаметная часть общего потока, на работе – старательный офисный планктон. Оставаться частью большинства не требовало никаких дополнительных усилий. Все получалось само собой. Правила, обязанности, новости, развлечения – доступные и понятные большинству. В этом нет ничего обидного, особенно, если человека все устраивает. Ольгу устраивало. Одежда в масмаркете, еда из полуфабрикатов, вечером сериал, выходные к маме. Толик вписывался в Ольгин быт идеально. Сам не Мэлл Гипсон, конечно, но и судить ее образ жизни ему и в голову не пришло бы.

– Средне-посредственная личность. – Ехидно цедил коллега Макс. – статистическое большинство.

Точно-точно, ничего примечательного. Тогда почему стоило у нее появиться парню, не прошло и недели, как Макса переклинило? Он неожиданно для Ольги, да и для себя самого, воспылал неутоленной страстью к девушке «ничего особенного». Смотрел недоуменно и будто с вопросом. Кофе однажды принес, упавшую ручку поднял... А как-то раз, задержавшись вместе на работе, вдруг накинулся на нее с по-

целуями. Облапил все, докуда мог дотянуться. Шептал нечто бессвязное. Юбку задирает. Когда успел непонятно, только блузка оказалась наполовину расстегнута. Ольгу так потрясла метаморфоза, что она и вырваться то не пыталась. Да и приятно оказалось, Толик при всех своих достоинствах не имел харизмы загадочного темного принца. Ощутить себя в роли роковой красавицы до сих пор у Ольги не было ни шанса. Нет-нет, она, конечно, не собиралась изменять! Она не такая. И стоило позвонить мобильному, как Ольга вырвалась из объятий коллеги.

– Алло. – В ее обычно невыразительном голосе вдруг зазвучали чувственные нотки, а звук «О» вышел таким круглым, звучным, глубоким... – Толя, закончил? – Вопрос, больше похожий на обещание. – Уже бегу.

Она побросала мелочи в сумочку. Пряча глаза, выскочила за дверь, оставив после себя лишь сладкий шлейф духов и неудовлетворенное желание.

– Звиздец. – Макс, выругавшись, пнул офисный диван. Насветлой обивке осталось грязное пятно. Взяв сигареты, он прошел мимо оставшегося выдвинутым кресла Ольги и как следует ударил носком ботинка по ближайшему колесу. Хлипкая мебель не выдержала, звякнул упавший на пол винтик. Макс улыбнулся и, успокоившись, вышел.

Сам себя он представлял злым гением, по случайности угодившим в тело милого пони. Длинная волнистая челка, плюшевые худи, штаны на пару размеров больше. всякому

глядящему хотелось его потискать и накормить, сколько бы Макс не плевался ядом.

– Мне кажется, он что-то потребляет. – делилась офисными секретиками Антонина. Широко раскрыв глаза и задрав брови домиком, будто удивлялась: «Кому в голову могла придти столь дурацкая сплетня», добавляла:

– Но я не верю.

Ольга тоже не поверила. Правда, образ Макса стал еще более загадочным и почему-то его хотелось пожалеть.

Анатолию было все равно. Коллега олицетворял недоступную свободу: слов, поступков, отношений. Рядом с такими людьми он и сам себе представлялся эдаким самоуверенным бруталом. Вечером после многочасового допроса, сидя в студии Макса, начав с пива, продолжив водкой, он с хамоватой простотой рассказывал о произошедшем. И ему становилось легче. Ни ужаса, ни отвращения на лице коллеги. Скажи Толик, что изнасилование было жестким или групповым, он бы и не поморщился. Может, напротив, промелькнула бы искра интереса.

– Все это такая ерунда. – Будто говорило его развалившееся в кресле тело и выражение расслабленного лица. – Нашел о чем париться.

И Толик ржет, захлебываясь словами, пытаясь живописать как под взглядами собравшихся торопился одеться. Не разобравшись в вывернутых наизнанку трусах, попросту сунул их в карман штанов.

– Прикинь, прикинь! А когда ждал такси, всю задницу отморозил! – Со вкусом, преувеличивая – как без этого – ударяется в подробности их с Люсечкой курортного романа. Напряжение отпускает:

– Ну какое преступление? Ха-ха, нашел преступника! приключение и довольно забавное при этом. – Он долго еще невнятно бормочет, трясется в тихом смехе. Вытирает рукавом выступившую слезу, роняет уже пустую бутылку водки. Макс, не обращая внимания на гостя, бездумно щелкает пультом.

Утром, мучимый похмельем, на работе Корольков вел себя тихо. Ольга его демонстративно не замечала, за несколько дней ее обида трансформировалась в желание уязвить неверного ухажера, и она напропалую кокетничала с Максом. Тот, словно и не было между ними ничего, игнорировал любые знаки девушки. Тоня, старудом сдерживая волнение, впитывала каждое слово, взгляд коллег. Чуть стоило напряжению в офисе понизиться, подбегала по очереди к каждому и спрашивала, делилась мнением, пересказывала слова и мысли предыдущего собеседника. Никакого злорадства, тем более недостойной радости от чужих несчастий Антонина не испытывала. Лишь детское желание поучаствовать, разделить мир с недоступными в ее слишком нормальной жизни, сильными эмоциями. Когда после рабочего дня Толик побрел с Ватрушкиной в сторону их общего двора пешком, в ее голове даже мысли не возникло, что рядом с ней вышагивает

настоящий маньяк и его следовало бы по меньшей мере опасаться. Толик в свою очередь нуждался в человеческом тепле и понимании. После допросов, шуточек Виктора, выпивки с Максом, стыд от произошедшего постепенно исчез. Страх от неизведанного будущего, благодаря уверенности адвоката, не сильно беспокоил. Но ощутив оторванность от привычного уютного мира, в котором материнский контроль, дружеские отношения, забота любимой девушки, учеба, работа – все такое понятное и, как оказалось, такое необходимое. Толик срочно захотел восстановить, укрепить старые связи, удостовериться, что они ему доступны, как прежде.

Бывшая одноклассница не подвела. Она умела слушать. Творческая личность, Тоня понимала произошедшее с Толиком на более глубоком уровне. Кивала, сочувствовала. Под конец пообещала поговорить с Ольгой и объяснить той, что бросать парня в трудной ситуации как-то даже непорядочно.

– Толь, ты придурок, конечно, но человек хороший. Ошибиться может каждый, и Оля это тоже понимает. Подари ей что-нибудь приятное. Виноват ведь, а ты в пряталки играешь. Я заметила, как последнюю неделю ты по углам шарахаешься. Ну что тебя за ручку на середину комнаты выводить? Как в детстве?! Видел, какая она сегодня была разодетая? Поверь мне, это уже недвусмысленный намек, мол, действуй, Парень.

Разодетая Ольга задержалась после работы в офисе, смущенно косясь на демонстративно равнодушного Макса. Она

коротко вздыхала, перекладывая документы из папки на стол. Сортировала их, складывала обратно и относила в шкаф, цокая каблучками. Хотела уж было уронить листок толи чтобы, эротично изогнувшись, его поднять, толи чтобы дать шанс Максусу самому это сделать. Однако, заметив злую усмешку коллеги, ощутила всю убогость своих никому не нужных заигрываний.

– Сколько можно рыдать? Ну сколько можно? – Зло вопрошала она свое отражение в зеркале туалета.

А утром на рабочем столе Ольгу ждала корзина кремовых роз. Осмотревшись, она увидела загадочно улыбающуюся Ватрушкину, какого-то отечного Макса, наверняка что-то принимает; презрительный взгляд психолога, мол, какая пошлость; и смесь надежды с испугом в обращенном к ней лице Толика. Оля не удержалась и улыбнулась ему в ответ.

Старый добрый мир Анатолия Королькова нет, не добавил новых красок, но прежние оттенки вдруг приобрели насыщенность, заиграли, задышали, потянули молодого человека в свою глубину. Как будто кричали на разные голоса: «Успей насладиться!» «Смотри какие мы: справа, слева, изнутри! Ведь не ценил! Не любил!» Толик до краев наполнялся теплом к милой Ватрушкиной, к грустной маме. Неожиданно заинтересовался проходящими лекциями. Без особой необходимости, сам, подготовился к семинару. Остался после пары обсудить тему. Мычал в восторге, жуя резиновый бургер. Блестел шальными глазами, взирая на ноябрь-

скую хмарь, кое-где расцвеченную гирляндами. Его обычная жизнь! Скучная, пресная, но такая настоящая жизнь! Невозможно поверить, что она может исчезнуть из-за какой-то ерунды, случайности, глупости.

Прошла неделя, вторая. От следователя и адвоката не было никаких вестей. На работе резко образовался завал, погребший под собой все свободное время, мысли, переживания всех сотрудников. Никто не обратил внимания на то как Ольга простила Толика. На то, что Татьяна стала чаще пропадать в рабочие часы. На новый, в этот раз электронный, сборник стихов поэтессы Антонины Трушкиной. На выпавший в середине декабря и пролежавший целый день снег.

Один звонок в конце месяца с просьбой зайти к следователю, бескомпромиссно, навсегда поставил точку в его такой обычной, никому неинтересной жизни, теперь уже окончательно разделив ее на «до» и «после».

Диалог между растерянным Толиком и благодушным следователем оказался цинично-коротким:

– Добрый день, вызывали, Геннадий Анатольевич?

– Да, документы готовы, надо подписать.

– Мне сказали, что это формальность, и адвокат не придет?

– Угу. Пять минут. Сейчас принтер распечатает. Много материалов получилось. Подпишем и разойдемся. Хорошо, что до нового года успели. Как я и предполагал, дело простым оказалось. Суд тоже затягивать не должен.

– С-с-суд?

– Да, а Вы как думали, Анатолий Евгеньевич? Следствие завершено, дело передается в следующую инстанцию. Таков порядок.

– Я... я же не виноват.

– Что Вы разволновались так? Решать в конце концов не мне. На это у нас судья имеется. Готово. Расписывайтесь. И прощайте.

4. Попрощаться и выпить

Март выдался промозглым, под стать ноябрю.

– Не расцветать и влюбляться, но страдать, но прощаться.

Понуро констатировала царящие настроения Антонина. Стихов писать, правда, не стала. От всей своей детской души любившая зиму, весной она словно теряла все силы, творческие в том числе.

Еще несколько месяцев назад оживленный офис Риэлторского агентства ООО «ВиТа», будто полинял и скукожился. Осенью умер от рака Вася Воробьев. Нелюдимый от природы, с начала болезни он отказался встречаться с клиентами, а общение с коллегами свел до нескольких жестов. Внести правки в договора, тщательно проверить документы на подлинность – для этого слов не требовалось. Специалистом-то он был одним из лучших. В конце декабря неожиданно исчез Ехидный Макс. Шутили, что его день рождения плавно

перетек в новый год. Впрочем, после праздников он так и не явился. Ходили слухи: на принудительное лечение отправили родители своего золотого мальчика. Корольков уволился по собственному желанию в начале февраля. Из-за регулярных судебных заседаний приходилось часто отпрашиваться, да и муж той стервы, из-за которой все случилось, Капитан полиции Сидорчук, ни с того ни с сего зачастил в кабинет к начальнику. Заведующая кадровой службой Татьяна Игоревна взяла на себя пару клиентов. И вместо того, чтобы найти нового менеджера, стала под предлогом показа помещений регулярно пропадать из офиса. Так и получилось, что в серо-бежевом интерьере на грязно-белую улицу блекло плялились две скучные девчонки.

Виктор даже говорить ничего не стал. Хлопнул дверью кабинета, прикурил еще в коридоре, добавляя обстановке соответствующего запаха и цвета. Нестерпимо желая выпить, пораньше отправился домой. А дома оказалась жена, стоит в размышлениях возле раскрытого чемодана.

– Это че? – Он не сразу нашелся что сказать.

Татьяна вздохнула. Без скандала, видимо, не получится:

– Витя, я ухожу.

– Куда? Мамочку навестить? – И, не дожидаясь ответа, только что придуманное объяснение вполне его устроило, пожаловался:

– Прикинь, Коля, гад, зачастил. Только был перед 8 марта и снова. Доит меня, как телку. Раньше хоть повод был – от за-

явлений отмазать – клиенты, сама знаешь, суки еще те. Фраза понравилась, по радио слышал: «потребительский терроризм». Делаешь по договору, а платить, падлы, не хотят! Тут, конечно, свой капитан, полдела, считай, выиграно. Но процент его уже не устраивает, ему теперь фиксированно каждый месяц подавай. а в честь праздников отдельно благодарю. Это уже не помощь по-дружески, это уже крыша, причем дорогая и протекающая.

Виктор выдохнул и с ощущением: «теперь можно» откупорил виски. Выпил. Заглянув в холодильник, достал пару нарезок.

– Может посидишь? Чайку? – Жуя бутерброд, крикнул жене. Она вышла из комнаты подтянутая и еще более строгая.

– Витя, я совсем уйду. От тебя. – Татьяна почувствовала, что должна объясниться:

– я выходила замуж за амбициозного, энергичного, по-своему справедливого молодого человека.

– Что, уже не так молод и хорош? – Он все никак не мог поверить в реальность происходящего.

– Бесполезно. – Татьяна отвернулась. – ты перестал быть человеком. – Она больше не обращалась к мужу, а старалась рассмотреть улицу сквозь начавшийся снегопад. – Ты потерял то живое и настоящее, что я любила в тебе. Ты заигрался в статусы, бренды, шаблоны. Я понимаю, в чем-то так проще. Ты же так занят... На подумать времени не остается.

– Как будто тебе не нравилась эта игра? – Для Виктора, редко слышащего признания жены, слова о прошлой любви оказались приятной неожиданностью. Его голос звучал приглушенно.

– Мне нравилось. Пока я вдруг не осознала, что для тебя все по-настоящему. Ты настолько поверил и сжился с этой игрой, что вытащить тебя оттуда без ломки не получится. Да и не занималась я в спасительницы. Я не отрицаю своей вины. Ведь потакала, пыталась получать удовольствие от примитивных развлечений. И насколько легко это делать! Ведь что плохого в ролевых играх, в маленьких радостях обеспеченной жизни? Ты прав. Мне нравилось. Но это не значит, что я хочу продолжать такую жизнь. Я боюсь. – Татьяна неожиданно для себя признавшись в собственном страхе, вдруг ощутила его всем существом. – я боюсь однажды в угоду сиюминутному удобству сломать чью-то жизнь. Однажды я пройду мимо чужого горя, найдя в достаточной степени разумные объяснения, почему не должна вмешиваться, и просто забуду. Фактически я уже это сделала. – К последней фразе ее голос упал до шепота.

– У тебя другой мужчина? – очень тихо, с затаенной надеждой, спросил Виктор.

– Да какая разница! – Она вновь заговорила громко и уверенно. – Не все в этом мире вращается вокруг мужчин с их кошельками. Как бы трудно тебе не было в это поверить. Я ухожу от тебя.

– К мамочке с сыночком что ли? – Непонимание у Виктора медленно трансформировалось в агрессию. – Жизнью, воспитанием решила заняться? Пока кормил, содержал, все устраивало, а жопу припекло, бежишь, поджав хвост! – Распаляясь, он вскочил и, запинаясь то об табурет, то об ножку стола, забегал по кухне. – Благородную невинность из себя строишь! На хрен сынок тебе не был нужен все эти годы! Вспомнила, собралась. Ты-то ему теперь зачем? Айфоны-то не на что больше покупать.

Татьяну явно уязвили слова мужа. Однако, проглотив ответную колкость, она направилась в коридор.

– Ты на хрен никому не нужна! – Прокричал Виктор, закрепляя успех. – А я не пропаду. Чтобы ты знала, у меня, кроме тебя, бабы были и будут еще.

Входная дверь хлопнула. Выбежав на площадку, он завизжал:

– Шмотки поганые свои заberi, Сука! Или я их выкину! – Стук каблучков и эхо стали ему ответом. Сколько времени он простоял на площадке? «цок, цок, цок» – Продолжало звенеть и наслаиваться, смешиваясь с отзвуком ее и его слов. В соседней квартире пролаяла собака. Вынырнув из транса, Виктор вернулся домой. Аккуратно поставил чемодан к стене и побрел на кухню, где так кстати стоял открытый Виски.

Пил в этот день, как и во все предыдущие, капитан полиции Сидорчук Николай. Пил водку, закусывал квашеной капустой. Его Люська умела квасить – в ресторанах так не

приготовят. А толк в ресторанах Коля понимал. Все, что имеется по городу, обошел, попробовал. Где со свежесочиненной инспекцией, где с сослуживцами, отмечая очередной профессиональный праздник. Нормальный такой уровень у местных заведений. Научились, падлы, на америкосовский манер: интерьерчик там, костюмчики официантов, названия блюд. А капусточку, как его жена, делать не могут! Где она? А вон, стоит. Покорная, веселая, доступная. Его баба. Без этих ваших закидонов.

– Люська, плову что ли дай. И водки еще принеси. Что-то меня не берет.

Пил Макс. Округлевший и напоминающий сам себе хомьячка. Такого зубастого, злобного хомьяка. Пил в компании старых друзей, отмечая встречу. С чем-то посерьезнее алкоголя он связываться не хотел. А вот выпить, поржать, расспросить что и как без него. В благолепной Израильской клинике, больше похожей на санаторий для пенсионеров, ему этого не хватало.

Пила Любовь Николаевна. как и все что она делала в жизни, пила в одиночестве, сознательно, с горьким пониманием того, что эта гребаная жизнь продолжается.

Диалог 3: вместо эпилога

– Три диалога и восемь глав, как считаешь, достаточно?

– И тебе привет. Думаю, вполне. Честно говоря, мне они

надоели.

– Герои?

– Ага. Когда я понял, что их не вытащить, мне стало скучно за ними наблюдать.

– А мне надоело с тобой спорить. к стати, почему звоню я, а не ты с поздравлениями?

– Ты же знаешь, не люблю я всю эту вашу обязательку. Но если хочешь: Кэт, поздравляю тебя.

– Спасибо-спасибо! Братец, я тронута до глубины души.

– Чем ты решила закончить историю?

– Попрощаться. Выпить и признаться в любви к «Моему народу».

– Символичненько.

– Я удалила последний пункт. Все-таки говорить о любви лучше на трезвую голову.

– Я не понял, пьешь ты или твои герои?

– Конечно, они. Но тяжелое похмелье, а также сентиментальная тоска у меня. Понимаешь, Братец, чуть копнуть и слетает с меня авторская ответственность, жизненный опыт, практичность с фатализмом, и вылезает откуда ни возмись пошлое мещанство, хочется все бросить и, чего там обычно делают, голосить по-бабьи: «Мне их жаалко!»

– Ты точно еще не начала праздновать?

– Да ну тебя! Я, можно сказать, раскрываю тебе глубины внутривизитерского конфликта.

– Ааа... Ну, давай, раскрывай.

– Не могу рояль найти. Куда-то он у меня потерялся.

– Тот, который прячется в кустах?

– Он, родимый. Я понимаю, ты бы хотел, чтобы Толик переосмыслил свою жизнь, встал на путь осознанности. Нашел бы какое-нибудь дело и, увлекшись им, открыл для себя свет познания. И вообще, каждому ярлыку из нашей истории можно придумать свой путь, наполненный смыслом. Резкий поворот, и Николай, вместо того чтобы напиваться каждый день, ловли белочек и собирания дани со всех окрестных бизнесменов, вдруг... Что? Вдруг станет отшельником? Попытается основать центр по спасению перелетных птиц? Начнет преподавать в колонии для несовершеннолетних? Отправится в Индию познавать Тантру? Эдак наша история из социальной повести превратится в фантастическую утопию. Тоже вариант, конечно, но требуется иной посыл. Я бы хотела более приземленной концовки. Меня бы вполне устроило, если бы Люся поняла: обманывать не хорошо, и забрала заявление. Татьяна набралась мужества и взялась уговаривать Виктора изменить показания свидетелей, где четко фиксируется лишь одна фраза: «Не было, и точка». Где адвокат не занимается имитацией деятельности по защите, а включает совесть и просто выполняет свою работу. ну и так далее. Только это даже не утопия получится, а довольно посредственный роман. И если в первом случае тема «Моего народа» и «Ярлыков» еще как-то в рамочном виде, то во втором в ней нет смысла.

– Низкопробная литература портит твой вкус, Кэт.

– Твои варианты?

– Николая либо подвинут коллеги, либо поймают на взятке. Первое не исключает второго. Ему будет грозить срок, напиваясь каждый день, допьется до белочки, как ты и предположила. А потом повесится со страху на дверной ручке.

– Ты что пересмотрел криминальной хроники?

– Кэт, это реальный случай, у нас тут недавно судья...

– Знать не хочу. Давай дальше по героям?

– Ольга в отсутствии Толика найдет себе очередного нормального парня, родит, продолжит смотреть сериалы, растолстеет обязательно, а при любой ссоре с мужем будет вспоминать своего бедного, хорошего мальчика. Может даже пару сотен кинет ему на мобильный в приступе бабской любви к человечеству.

– Ха-ха.

– Толику дадут года три. Отсидит, напится тюремным фольклором. Станет особенно трепетно относиться к маме и, может, начнет посещать церковь на Пасху.

– Тоже неплохо.

– На работу он вряд ли способен самостоятельно устроиться, разве что поможет кто. Будет сидеть дома, материть неудавшуюся жизнь и спиваться.

– Демиург чертов. Так и вижу как, гомерически хохоча, ты исчезаешь в стратосфере. Все, оставляю свой открытый финал. У человека должен быть шанс, не скажу на счастье или

гармоничную жизнь, иначе ты опять начнешь придирааться к моим любимым книжкам, но на нечто лучшее он имеет право. Лучшее в сравнении с днем сегодняшним. Человек имеет возможность к самоидентификации. На инстинктах, на воле, на вере. Не суть важно. Он не попытается ничего изменить, если все лично у него хорошо. Но стоит обстоятельствам затронуть его комфортный мирок, как он потянется, извернется, примкнет к тому, что поможет ему выжить. Сложно узнать заранее, что выберет человек. Свет истинной веры или уголовные порядки; отшельничество или групповую ответственность; первоисточники или проповеди. Выбор не зависит от образованности, воспитания, парада планет. Но нечто внутреннее всегда стремится к солнцу, какими бы причудливыми тебе не казались пути. Нет смысла бежать от гармоничной жизни, как и не реально осчастливить всех одной простой идеей. Не нам с тобой, Братец, решать и тем более судить выбор человека.

– Самоуспокоительные оправдания, Кэт. Ах, я, конечно, люблю «Мой народ», но спасти его не буду и другим не советую. Потому что он темен и безграмотен, только это его право, так как мы все свободные личности! Я вообще ничего не буду делать, поскольку общение с народом разрушит мою внутреннюю гармонию. А человек как-нибудь сам спасется. Возможно. Наверняка. Когда-нибудь должен же он спастись в конце концов.

– То есть, Братец, к концу какого ни есть творческого

процесса, я, как и наши герои, удостоилась от тебя своего собственного ярлыка? Понимаю, Интересная задачка для ума: навешать ярлыков, насочинять несколько систем, вооружиться виртуальной стамеской и лобзиком и давай – щепки во все стороны. У человека то не так, тут подравнять, здесь ужать... И поместится не в Буддизм, так в спорт. Пожалуй, все-таки я пас от подобных экспериментов.

– Кэт, я списываю твой эмоциональный бред на 8 марта. Приезжай в гости, и мы продолжим столь увлекательный диалог.